

лектуальной специализации», что позволит странам-членам и регионам сконцентрировать инвестиции на направлениях, обладающих конкурентными преимуществами, а также стимулировать создание трансевропейских цепочек создания добавочной стоимости.

Список использованных источников

1. Industrial Policy In An Enlarged Europe. — Brussels: Commission of the European Communities, 2014. — 12 p.
2. Европа: вчера, сегодня, завтра / Ин-т Европы РАН; под ред. Н. П. Шмелева. — М.: ЗАО «Изд-во „Экономика“», 2013. — 823 с.
3. European factories of the future research association — effra report [Электронный ресурс]. — Режим доступа: - http://www.effra.eu/index.php?option=com_content&view=category&id=85&Itemid=133. — Дата доступа: 21.02.2016.

ИЗМЕНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ В СТРАНАХ СТАРой ЕВРОПЫ: ПОПЫТКА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКИХ И ПОЛИТИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ж. БОДРИЙЯРА

Т. В. Сергиевич, аспирант кафедры «Экономика и право» БНТУ

В конце XX в. общество экономически и технически развитых стран вступило в новую эпоху, характеризующуюся установлением технических возможностей для всеобщей коммуникации и резким увеличением объемов информации, что привело к новым социально-экономическим противоречиям. Одним из этих противоречий является одновременно переизбыток и дефицит информации. В то время как общий объем накопленной информации стремительно растет, человек испытывает дефицит необходимой ему информации для принятия решений. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим» [1, с. 21]. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто подобное казни на электрическом стуле» [1, с. 49]. При этом особую угрозу таит в себе тот факт, что наличие огромных массивов информации, иллюзорная независимость и видимость свободного досту-

па к ней создают иллюзию субъектов владения информацией, в то время как это становится условием еще больших возможностей для манипулирования индивидуальным и коллективным сознанием.

На этой особенности современного европейского общества мы остановимся в рамках данной работы. Нами понимается, что вся проблема трансформации мотивации в постиндустриальных и сверхиндустриальных европейских странах не сводится к появлению возможности нелетального разрушения социальных субъектов. Но ввиду ограниченности объема данной работы мы остановимся прежде всего на этом аспекте, поскольку эта проблема архиважная и сверхновая.

Манипулирование сознанием все чаще применяется в сфере межстранового противоборства, классовой борьбы и межфирменной конкуренции. Перед применением современного информационного оружия как общественно-функциональной инновации беззащитным может оказаться не только индивид, но и субъекты хозяйствования.

Единое информационное пространство, в котором оказалось человечество на пороге XXI в., обнажает защитные силы человека, определяющая функция которого из сферы производства перетекла в сферу потребления (производство знаков). Сегодня уже не спрос рождает предложение, и не предложение рождает спрос. Действительно, в отличие от классической модели, предприятия контролируют и моделируют поведение потребителя, навязывая потребности, обеспечивают индивиду их удовлетворение и себе сбыт, оправдывая растущие объемы производства. Но, с другой стороны, монополии также достигают небывалых размеров, подчиняя себе мелкие и средние предприятия, а иногда и целые регионы. В этих условиях иллюзии выбора общество оказывается в условиях, которые так характеризует Ж. Бодрийяр: «Не имея возможности точно знать, чего же нам хочется, мы зато знаем, чего мы больше не хотим. Наши поступки (и даже болезни) все более лишаются „объективной“ мотивации; чаще всего они проистекают из той или иной формы неприятия, которое заставляет нас избавляться от нас самих и нашей энергии каким угодно способом» [2]. Легко внушаемой оказывается мысль, что «функцией потребления является исправление отдельных форм социального неравенства в стратифицированном обществе» [3], потребление и достижение счастья через потребление становится целью человеческого бытия, которое якобы символизирует сглаживание классовых различий. Ж. Бодрийяр говорит по этому поводу:

«Индивиды надеются, потому что „знают“, что могут надеяться, — они не надеются слишком, поскольку „знают“, что это общество накладывает непроходимые препятствия на свободное восхождение, — и при этом они все-таки надеются чересчур, поскольку сами живут размытой идеологией мобильности и роста. Уровень их стремлений вытекает, следовательно, из компромисса между реализмом, питаемым фактами, и ирреализмом, поддерживаемым окружающей их идеологией, — то есть из компромисса, который, в свою очередь, отражает внутреннее противоречие всего общества» [3].

Выражается это в искажении экономической мотивации индивидов, проявляемом в стремлении скорректировать структуру потребления на не соответствующую доходу и статусу. Тем не менее потребление в некоторой степени приносит ощущение счастья, так как «предметы и провоцируемые ими потребности появляются именно для того, чтобы устранить тревогу, которую человек испытывает, когда не знает, чего хочет» [3]. При этом потребности, якобы удовлетворяемые посредством такой модели потребления, зачастую оказываются противоречащими друг другу (в стремлении к производству социальных отличий индивиды применяют одинаковые модели поведения). У человека как существа биологического потребности весьма ограничены, однако, как отмечает Ж. Бодрийяр, «нет границ у „потребностей“ человека в качестве социального существа (то есть как производителя *смысла*, как того, кто относится к другим соответственно *ценности*)» [4]. Подмена реальных мотивов псевдомотивами, нерациональность в потреблении, выступающем в качестве системы производства знаков, изменение системы ценностей современного европейского общества приводят к дисфункции системы экономической мотивации и поведения индивидов.

Моделированию подвергается не только спрос, но и предложение. Растут масштабы фиктивной экономики, примирить которую с реальной невозможно. Ж. Бодрийяр отмечает, что «единственный настоящий искусственный спутник (Земли. — *Т. С.*) — монета, ставшая чистым артефактом, обладающая поразительной мобильностью, мгновенной обращаемостью и нашедшая, наконец, свое настоящее место, еще более необычное, чем фондовая биржа: орбиту, где она всходит и заходит, подобно искусственному солнцу» [1]. И далее: «И тогда все общество начинает вращаться вокруг этой точки инертности, как если бы полюса нашего мира сблизились и в то же время короткое замыкание повлекло бы мощные эффекты и ис-

тощение потенциальной энергии. В данном случае речь идет уже не о кризисе, а о фатальном событии, о замедленной катастрофе» [1].

Список использованных источников

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — 5-е изд. — М.: Добросвет; Изд-во «КДУ», 2014. — 260 с.
2. Baudrillard, Jean. A l'Ombre du Millenaire, ou le Suspens de l'An 2000 / Jean Baudrillard. — Paris: Sens&Tonka, April 1998.
3. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. Д. Кралечкина. — М.: Акад. проект, 2007.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. на рус. яз. Е. А. Самарской. — М., 2006.

АНТИМОНОПОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЗАЩИТА КОНКУРЕНЦИИ В ЕС

Н. И. Скирко, к. э. н., доцент кафедры таможенного дела, БГУ

Развитие конкуренции на территории стран Европы было связано с необходимостью замещения устойчивой исторической практики защиты отечественных производителей от конкуренции с другими европейскими производителями. Традиционно страны Европы развивали свой экспортный потенциал в рамках внутриотраслевых потоков торговли, и отчасти внутриотраслевая торговля приводила к порождению многих устойчивых практик такой защиты своих производителей от иностранных конкурентов. Принято считать, что исторически первой практикой ограничения монопольной власти на территории Европы было принятие в 1947 г. в Германии «Правил об отмене картелей». Закон был принят под влиянием США (одновременно с принятием аналогичного закона в Японии) [1, с. 390].

Как в послевоенное время, так и в современной практике антимонопольного регулирования Евросоюза картельные соглашения считаются неприемлемыми нарушениями, воздействующими на состояние конкуренции общего рынка. Данные соглашения между предприятиями могут воздействовать на торговлю между государствами-членами и запрещены при доказательстве, что они имеют своей целью или результатом таких действий предотвращение, ограничение или нарушение конкуренции общего рынка ЕС.